

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МАГНИТОГОРСКА В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Н. Н. Макарова

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск, Россия

Магнитогорск в период форсированной индустриализации выступал мегаплощадкой по реализации социалистического эксперимента, главной целью которого выступала идея реализации нового образа жизни в Советском Союзе и воспитание нового человека. Воплощение подобных амбициозных идей наиболее могло быть эффективным среди подрастающего поколения. Дети и молодежь рассматривались идеологами глобального социалистического эксперимента как объект интенсивного воздействия системы пропаганды и системы образования. Широкомасштабные изменения реализовывались в рамках мобилизационной модели развития. Вопросы культурного строительства и образования общероссийская историография рассматривает довольно обстоятельно. Проблемы культуры 1917–1940 гг. освещались непосредственными участниками культурно-преобразовательной деятельности, а работы носили преимущественно описательный характер. При этом отдельные труды о системе образования в Магнитогорске отсутствуют по сей день. Целью настоящей статьи является изучение основных тенденций в системе школьного образования в Магнитогорске. Исследование опирается на источники различных видов: делопроизводственную документацию, источники личного происхождения, в том числе материалы устных свидетельств магнитогорцев.

Ключевые слова: *история, СССР, индустриализация, просвещение, Магнитогорск.*

В Советском Союзе в 1920–1930-е гг. шел процесс формирования новой модели жизнеустройства в глобальном смысле. Изменению подверглись абсолютно все сферы жизни общества, шел процесс поиска наиболее оптимальной модели развития. Согласно оценкам историков, политологов, экономистов, выбранную модель развития можно трактовать как мобилизационную. Мобилизационные схемы практиковались в профессионально-трудовой, личностно-бытовой и пропагандистско-идеологической сферах.

Магнитогорск на данном этапе исторического развития выступал в качестве символа советской индустриализации и образца нового советского образа жизни. В этой связи магнитогорцы должны были быть впереди не только по темпам возведения и последующей эксплуатации промышленного гиганта – Магнитогорского металлургического комбината, – но и в плане освоения культурных и образовательных стандартов. Население Магнитогорска характеризовалось значительной степенью маргинальности: крестьяне (прибывшие в город добровольно или в результате спецсылки), рабочие (в большинстве своем «новые», недавно переехавшие в города и не имеющие устойчивых связей с пролетариатом), административно-чиновничий персонал (наскоро обученный во вновь открытых учебных заведениях), так называемые нацмены, оторванные от традиционного образа жизни – все нуждались в

формировании некоего культурного минимума, необходимого для жителя города. Официальная документация и периодическая печать свидетельствовали о крайне низком уровне грамотности и культуры среди населения нового города. Магнитогорск оказался наполнен людьми, не умеющими читать, не понимающими необходимости санитарных обработок, но зато активными участниками драк, грабежей, избиений женщин и детей и т. п. В этой связи одним из ключевых условий нормализации жизни молодого города выступала система образования. В данной статье мы предпринимаем попытку проанализировать основные тенденции в системе школьного образования Магнитогорска.

Формирование необходимых культурных горизонтов в среде детей и подростков происходило в школе. В этом направлении велась большая работа по подготовке и развитию системы школьного образования. Необходимо было приспособить к школьным условиям выделенные бараки и оборудовать их мебелью, провести учет детского населения, но в условиях неравномерного притока рабочих в город это было довольно сложным делом. Школьное строительство являлось одним из основных участков в деле всеобщего обязательного обучения. Несмотря на значительное продвижение в этой области, общее положение в Магнитогорске оставалось сложным. Власти города признавали, что в течение 1930–1931 гг.

сеть образовательных учреждений в Магнитогорске оставалась мизерной¹. Так, на 1 сентября 1931 г. в городе не было ни одного специального здания для школ². Первоначально детей первостроителей направляли учиться в школы поселка Магнитный. Их было две: мужская и женская. Но уже в сентябре 1930 г. на стройке насчитывалось 2 452 ребенка, как местных, так и прибывших в город вместе с родителями³. Через год эта цифра возросла почти в два раза⁴. Таким образом, возникла острая необходимость в строительстве школ. Несмотря на приказ начальника Востоко-стали И. В. Косиора от 15 марта 1930 г., постановления поселкового совета от 26 июля 1930 г. и горсовета от 5 сентября 1930 г. о расширении сети образовательных учреждений, качественно изменения ситуации не произошло. Возникновение «угрозы срыва всеобщего начального обучения» и вмешательство газеты «Правда» форсировали развертывание сети образовательных учреждений⁵.

Воспоминания первых учителей города Магнитогорска свидетельствуют о трудностях, с которыми столкнулась школа в 1930 г. Так, учителя Турюнеева и Котов рассказывали: «Летом 1930 г. начали заниматься с тремя стульями и тремя столами. У нас была группа экскаваторщиков, состоящая из 30 человек... Осенью нас перебросили в общий барак. Этот барак был на Ежовке. Там же находилось общежитие, где жили рабочие с горы и площадки, и здесь же была отведена комната для нашей работы... Учащимся нужно было проходить практику, мастерских не было». «В мае 1930 г. еще ничего не было, кроме улицы на пятом участке и ряда рубленых домов на первом участке. Было два ликпункта, организованных учительницей Пановой в порядке общественной работы... В школе на 13 участке паровое отопление не работало, занимались в шубах...»⁶. Подобные свидетельства описывают типичные условия повседневной учебы и работы в образовательных учреждениях Магнитогорска.

В истории школьного образования в СССР 1930 г. стал переломным. На основании постановления XVI съезда ВКП (б) в стране вводили обязательное начальное образование. Но в Магнитогорске введение всеобщего обязательного

начального обучения было затруднено тем, что отсутствовала необходимая материальная база⁷. К 20 февраля 1930 г. начальным обучением было охвачено 87 % детей. Ввиду того, что на Магнитострой регулярно прибывали новые партии рабочих и служащих, а с ними и дети, подлежащие обучению, ГорОНО открывало каждый месяц дополнительно 1–2 группы для вновь прибывших детей⁸.

Таблица 1

**Сеть общеобразовательных учреждений
в Магнитогорске⁹**

Год	Число школ	Контингент учащихся
1930	6	2452
1931	10	4538
1932	16	13073
1933	25	19095
1934	34	20474
1935	38	23759
1936	39	20485
1937	40	29633
1938	41	23350
1939	41	33325

Именно в период 1932–1933 гг. в основном была сформирована сеть учебных заведений города. В январе 1934 г. сеть общеобразовательных учреждений включала 23 школы, из них 8 школ первой ступени, 13 школ семилетних, типов ФЗС и ШКМ и 2 школы десятилетки¹⁰. Этих школ было недостаточно. К февралю 1934 г. было решено разгрузить переполненные школы города и открыть новые. Данное решение было вызвано также началом реализации проекта благоустройства рабочих поселков¹¹. В результате число общеобразовательных учреждений в городе к концу 1934 г. возросло до 34. В последующие годы рост числа школ в городе продолжился. В 1935 г. в Магнитогорске дети обучались в 38 школах, в 1936 г. – в 39, в 1937 г. – 40, в 1939 и 1938 гг. – 41 школе. Одновременно наблюдался рост числа учащихся. Последний происходил не только за счет увеличения детей и подростков, но и благодаря росту охвата детей школьного возраста, выявлению необучающихся детей. Если в первой половине десятилетия школы располагались в барках, то

¹ МУ Магнитогорский «Городской архив» (далее МУ МГА). Ф. 10, Оп. 1, Д. 1, Л. 18.

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. Р-5515, Оп. 1, Д. 375, Л. 16.

³ МУ МГА. Ф. 12, Оп. 1, Д. 5, Л. 45.

⁴ Там же.

⁵ МУ МГА. Ф. 4, Оп. 1, Д. 1, Л. 18; Правда. 1931. 18 января.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952, Оп. 5, Д. 172, Л. 162; Д. 299, Л. 50 - 51.

⁷ Просвещение на Урале. 1930. № 12. С. 70.

⁸ Там же. С. 71.

⁹ МУ МГА. Ф. 4, Оп. 1, Д. 1. (данные в таблице представлены на конец календарного года).

¹⁰ МУ МГА. Ф. 16, Оп. 1, Д. 45, Л. 8.

¹¹ Там же. Ф. 12, Оп. 1а, Д. 1, Л. 92.

во второй половине 1930-х гг. в Магнитогорске начали строительство новых типовых четырехэтажных школ: «Трехстворчатые окна, широкие коридоры, просторные классы, на трех верхних этажах – кабинеты с лаборантскими комнатами, столовая, широкие лестницы. Даже учительская, рядом – комната завуча и кабинет директора. Много света. В кабинетах физики и химии – водопроводы и раковины. На каждом этаже туалеты и тут же умывальники. Одного не предусмотрели – нет ни актового, ни спортивного зала. Ни в одной четырехэтажке. И мастерских тоже нет, хотя уроки труда обязательны. Объяснили не вслух, а из уст в уста: это здания, которые в 24 часа можно переоборудовать в госпиталь» [2. С. 116].

Школьная программа практически не выполнялась ни в один из учебных годов в изучаемый период. Если ситуация в первом концентре (начальная школа) была более стабильной (дети усваивали навыки письма, чтения, счета), то во втором концентре ситуация была значительно сложнее¹. Остро сказывалась нехватка учителей-предметников. В результате учебный год в Магнитогорске практически ежегодно увеличивали на срок от 10 дней до полутора месяцев. Население встречало это с удовольствием: дети оказывались под присмотром и были обеспечены обедом. Отдельные дисциплины преподавались в Магнитогорске крайне слабо. В первую очередь, среди них можно назвать историю², обществознание, географию, трудовое обучение и физкультуру. Если проблемы в изучении дисциплин гуманитарного цикла объяснялись отсутствием учебников и квалифицированных кадров, то с другими предметами ситуация была иной. В связи с распространением политехнизации школ урокам трудового обучения придавалось особое значение в городе. Но практика выявляла фактическое отсутствие станков и материалов, а каждодневные проблемы вынуждали учителей отправлять классы во время уроков труда на утепление помещений школы, посадку, прополку или уборку пришкольных огородов.

Выступления директоров школ города на собраниях секции народного образования ярче всего показывают спектр проблем, существовавших в сети образовательных учреждений. Директор школы № 1 Беляева в своем выступлении отметила, что «ремонт школы закончен, школа к занятиям не приспособлена – находится в двух бараках. Сделано 12 новых печей, застеклены полностью

рамы, топливо завезено не полностью... учебники по разрядкам ГорОНО выкуплены, тетрадей очень мало. Школой полностью (детей. – Н. М.) охватить невозможно – вместимость 1100 учащихся, а имеется около 1500–1600 человек. Карандашей и перьев достаточно, нет ручек и чернил. Педагоги по первому концентру имеются, по второму нет по русскому языку, литературе, иностранному языку и физике... Педагоги подготовки к началу учебного года не ведут»³. Более сложная ситуация возникла в школе № 2. Директор Смирнов заявил об угрозе срыва начала учебного года: «Всего по учету имеется 1058 учащихся, необходимо 24 класса, налицо имеется 16 классных комнат, не хватает 8, имеющиеся комнаты к занятиям не приспособлены, ремонт: качество удовлетворительное. Кадров не хватает...»⁴. Аналогичны выступления директоров школ № 5, № 10 и др.

Анализируя проблемы, оглашенные директорами школ, становится ясно, что в подобных условиях учиться было достаточно сложно. Педагоги и учащиеся в большей степени были озабочены тем, чтобы протопить класс, «тащили с собой на урок щепки, палки – все, что попадалось по пути в школу пригодное для истопки»⁵. Занимались часто в одном учебном классе по две группы разных возрастов, что в свою очередь увеличивало неуспеваемость⁶.

В целях улучшения работы школ города и усиления контроля к новому учебному 1934–1935 гг. было решено все школы города разбить на три куста. Первый куст во главе со школой № 12 включал школы Соцгорода, первого и тринадцатого участков, поселка Магнитный; второй куст с центром в школе № 11 охватывал школы под № 14, 11, 29, 4, 9, 6, 8; третий куст возглавляла школа № 10. Сюда относились школы № 1, 2, 5, 10⁷. В борьбе за повышение качества обучения в школах применялись разнообразные методы и нововведения. В частности, в школах ликвидировалась «обезличка», была установлена персональная ответственность за качество работы каждой группы, за выполнение учебных заданий, за самоуправление, за методическую работу, организован жесткий контроль за выполнением этих установок. Каждый педагог нес ответственность за кабинет и его оборудование [Перель: 1934, С.12].

³ МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 64, Л. 50. Стиль оригинала сохранен.

⁴ Там же. Л. 51.

⁵ Воспоминания Л.Г. Чернопятовой. Записано Н.Н.Макаровой в 2008 г.

⁶ Воспоминания А.И. Чесноковой. Записано Н.Н.Макаровой в 2008 г.

⁷ МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 64, Л. 43.

¹ Там же. Л. 96 об.

² Преподавание истории было введено после издания соответствующего постановления 16 мая 1934 г.

Таблица 2

Сведения об итогах весенних переводов в 1937 г. (МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 225, Л. 17.)

КЛАСС	Число учащихся (чел.)	Число переведенных		Всего окончили школу (чел.)	Оставлено на 2 год		Оставлено на осень		Исключено	
		чел.	%		чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	4166	3961	95,07	-	201	4,8	-	-	4	0,09
2	4269	3979	93,2	-	283	6,4	-	-	7	0,1
3	4339	3901	89,9	-	422	9,7	-	-	16	0,3
4	3702	2932	79,2	890	188	5,08	575	15,6	7	0,2
Итого	16476	14773	89,6	890	1094	6,6	575	15,6	34	0,2
5	2806	2011	71,7	-	196	6,9	595	12	4	0,2
6	1760	1329	75,5	-	101	5,7	329	18,7	1	0,06
7	1983	772	38,9	433	72	3,8	263	24,9	1	0,09
Итого	6549	4112	62,8	433	339	6	1192	21	6	0,1
8	373	272	73	-	8	2	93	24	-	-
9	178	135	75,9	-	1	0,6	42	23,5	-	-
10	76			70	1	1,3	5	6,5	-	-
Итого	627	407		70	10		140			
Всего	23653	19292	83,6	1393	1443	6,4	1907	9,08	40	0,17

Результатом этой политики стало увеличение школьной сети в Магнитогорске и контингента учащихся к 1939 г. в 1,5 раза по сравнению с 1934 г. Одновременно улучшилось качество знаний у детей. Все учащиеся умели читать, писать и считать. Это было несомненно важно. Оценивая более широкий спектр знаний школьников, стоит обратиться к отчетам городского отдела народного образования. Так, в 1935–1936 учебном году переведено в следующий класс было только 55,3 % школьников. Остальные были либо оставлены на осень (14 %), либо на второй год (29,6 %), либо исключены (1,14 %). В конце следующего учебного года эти показатели улучшились: переведено в следующий класс было 83,6 % детей, оставлено на осень – 9,08 %, оставлено на второй год – 6,4 %. Однако без исключений из школы не обошлось – 0,17 % (то есть 40 человек) учащихся были исключены¹. Большинство школьников оставалось на второй год или на осень в 1–4 классах.

Наиболее сложными предметами для школьников всех возрастных категорий были русский язык, алгебра и геометрия. Процент неуспевающих по названным дисциплинам был стабильно высоким в 5–8 классах (не менее 10 %).

В старшие классы принимали наиболее способных ребят, поэтому процент неуспевающих по этим же предметам значительно сокращался, но не исчезал совсем (1,4–6,2 %). Довольно сложно ребятам давались география, история и иностран-

ный язык. Судя по материалам отчетов одним из самых простых предметов для магнитогорской детворы оказалась литература. Процент успевающих по предмету во всех классах был около 100, а в 9–10 классах достиг этого показателя. В воспоминаниях школьников 1930-х гг. именно литература чаще других предметов фигурировала в качестве любимой уроков. Эту тенденцию вполне можно объяснить любознательностью детей и методикой преподавания в форме рассказов и чтения текстов, которые в те годы были преобладающими.

Учащиеся школ часто пропускали занятия. Среди причин низкой посещаемости школ лидировали следующие: отсутствие мест, болезни, отсутствие одежды и обуви, дальность расстояния, необходимость заработка и нежелание учиться². Однако к началу 1934–1935 учебного года ситуация изменилась. К 15 сентября 1934 г. дети города Магнитогорска полностью были охвачены 7-летним обучением. В этом году не было ни одного случая отказа родителей отпускать детей в школу. Напротив, в массовом порядке «родители требовали принять семилеток в школу». Подобное положение объяснялось отчасти тем, что в школах детей в возрасте от 7 до 12 лет хорошо снабжали одеждой и обувью, были организованы горячие завтраки³. Проблема дальности расстояния до школы со временем решалась. Начиная с

¹ Рассчитано по: МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 225, Л. 23.

² МУ МГА. Ф. 9, Оп. 1, Д. 2, Л. 3.

³ МУ МГА. Ф. 12, Оп. 1а, Д. 1, Л. 88.

1933 г. детей стали переводить в школы по месту жительства¹.

Важную роль в деле формирования культурных горизонтов являлась воспитательная работа. Жизнь школьников была насыщенной разнообразными событиями: учеба, спорт, общественные нагрузки, субботники и воскресники. Естественно, что повседневная жизнь детей включала в себя особые индивидуальные формы деятельности. Так, в письмах В. Ф. Бересеневой красочно описаны повседневные заботы ее семилетнего сына Оскара: «Основной школой Каря в общем доволен, хотя, конечно, и в половину не увлекается ей так, как Лена. Он уже имел там неприятность – нарушение дисциплины. На большой перемене убежал с ребятами – Андреем, Олегом и еще какими-то мальчишками на «зеленую глину», прибежали обратно с опозданием к звонку, дверь класса закрылась перед самым Карькиным носом. Его не пустили на урок и сказали, чтобы он шел к директору объясняться и получить записку о разрешении заниматься. Каря, конечно, к директору не пошел и, бросив в школе все свое имущество – пальто, шапку, сумку – отправился домой. Посидел на ступеньках около запертой квартиры, дождался возвращения Лены из музыкальной школы, вошел в дом и занялся своими делами – своим «Зеленстроем»²... Каря сейчас в полном порядке и физически, и душевно. За третью четверть вышел отличником по обеим школам. Единственное, что меня в нем сильно тревожит, это его частое участие в драках с мальчишками на улице. То и дело возвращается домой в весьма потрепанном виде: пальто без пуговиц, руки в ссадинах, ноги в синяках. Связывается с мальчишками старше себя и всегда оказывается, что они плакали, а он смеялся...» [8. С. 35].

Следует отметить, что значительная часть детей и подростков была задействована в работе пионерской организации города. Последняя была создана в СССР в 1922 г., к началу 1930-х гг. структура и качественное содержание работы пионерии претерпели изменения. Пионерское движение из разрозненных отрядов, находившихся на различных предприятиях, перешло в школу. Одновременно произошла перестройка содержания общественной работы отрядов юных пионеров. После постановления, утвержденного ЦК ВКП (б) 21 апреля 1932 г., центральное место в деятельности пионеров заняла «борьба за качество учебы, за сознательную дисциплину, за

политехнизм в школе, за развитие детской физкультуры, за правильную организацию детского досуга и за повышение всей работы по коммунистическому воспитанию детских масс против всяких попыток протаскивания в детскую среду чуждой пролетариату идеологии»³. В результате руководство пионерским движением больше внимания стало уделять качеству обучения пионеров в общеобразовательных учреждениях, контролю над поведением ребят. Вероятно, реорганизация была вызвана изменением внутренней политики государства в тот период, ужесточением репрессивного механизма. Вследствие этого общественная организация стала подчиняться государственному учреждению – школе, в лице директора и учителей. Свобода выбора деятельности и самостоятельность пионеров сменились конкретными и предельно ясными задачами – хорошо учиться и быть дисциплинированными. Изменения коснулись и организационных форм движения, то есть состава организации, порядка приема и исключения. Первоначально возраст ребят, задействованных в отрядах юных пионеров, колебался от 8 до 16 лет, так как многие из них работали на фабриках и заводах. Но со временем 15–16-летние подростки стали вливаться уже в ряды комсомола. 9 июня 1928 г. ЦК ВЛКСМ утвердил положение о коммунистической детской организации Юных пионеров им. В. И. Ленина, согласно которому в ряды пионеров стали приниматься дети в возрасте от 10 до 15 лет, выразившие готовность исполнять законы, активно участвовать в работе отряда и подчиняться всем постановлениям организации.

Датой рождения пионерской организации города Магнитогорска считается 28 ноября 1929 г., когда бюро ячейки ВЛКСМ приняло постановление об организации первого отряда в городе. Возжатым первого пионерского отряда был назначен Иван Стародубцев⁴. В марте 1930 г. было создано бюро пионеров во главе с председателем Клавдией Карташовой. Весной 1930 г. на первом строительном участке в клубе, расположенном рядом с эстрадной площадкой, был организован первый в Магнитогорске пункт – бюро юных пионеров. Здесь ребята выпускали стенгазеты, готовились к смотрам художественной самодеятельности, проводили пионерские сборы. Респондент А. И. Чеснокова с неподдельной радостью вспоминала, как ее в возрасте 10 лет принимали в пионеры: «В школе собрали торжественную линейку, постро-

¹ МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 64, Л. 1.

² Под зеленстроем автор письма понимает выращивание цветов в горшках.

³ Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. Сборник / сост. В.С. Ханчин. М., 1970. С. 35.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1932. 23 мая.

или все классы. Мы очень волновались и долго ждали... Потом клялись. Я до сих пор помню текст торжественной клятвы быть пионером...»¹.

Подростающее поколение принимало непосредственное участие в строительстве завода и города. Дети принимали активное участие в многочисленных субботниках². Учащихся пытались задействовать в кампаниях по ликвидации безграмотности и малограмотности, в пропаганде здорового образа жизни, в борьбе с прогулами и нарушениями трудовой дисциплины [4].

В Магнитогорске существовала специальная газета для пионеров и школьников – «Магнитогорский пионер», основной целью которой являлось воспитание «нового человека». Газета для детей, также как «Магнитогорский рабочий», «Магнитогорский комсомолец» и другие газеты, на своих страницах помещала материалы об ударниках учебы, об отличниках, об участниках самодеятельности. Портреты детей-передовиков публиковались на первой полосе, их обводили красной рамкой. Как отмечает С. Коткин, местные газеты печатали на своих страницах, кроме портретов ударников и портреты отстающих бригад, прогульщиков, хулиганов, но обводили их при этом черной рамкой [5]. «Магнитогорский пионер» в этом плане не являлся исключением³. На страницах газеты были отражены все стороны повседневной жизни подрастающего поколения Магнитогорска.

Проблема кадров имела первостепенное значение в Магнитогорске. Вопрос заключался не только в недостаточности педагогических кадров, но и в качестве их подготовки. Педагогический коллектив школ Магнитогорского района возрос со 100 человек в 1930 г. и 168 человек в 1931 г. до 562 в 1934 г.⁴. Кадры дошкольных учреждений увеличились с 30 человек в 1930 г. до 735 человек в 1934 г.⁵. Быстрый количественный рост сопровождался некоторыми качественными изменениями. В частности, в 1932 г. из 341 педагога школ Магнитогорского района неоконченное низшее образование имели 156 человек, имеющих 7-летнее образование было 36 человек, с неоконченным средним – 83 человека, политехническое образование имели 35 человек, высшее образование было у 31 педагога⁶. В детских садах уровень образования сотрудников был еще ниже.

По данным за 1932 г., из 144 педагогов начальную школу окончили 76 человек, курсы ликбеза – 9 человек, среднее неспециальное образование получили 18 человек, высшее образование имели только 4 человека⁷. Однако рост уровня образования не являлся свидетельством улучшения образовательного процесса в школах. Бытовые трудности приводили к тому, что учителя практически не готовились к урокам. Чаще всего на подготовку у педагогов не хватало времени и сил⁸. Возраст учителей колебался от 15 до 20 лет⁹. ГорОНО отмечал, что процесс комплектования кадров шел в значительной степени самотеком, «лишь бы заткнуть дыру»¹⁰. В первые годы на Магнитострое проблема кадров стояла настолько остро, что директорами школ назначали вчерашних студентов, выпускников педтехникумов: «Анфиса Ивановна тоже сибирячка, окончила педтехникум в Омске и прислана на Магнитку по комсомольской путевке еще в 1932 г. Ее, двадцатидвухлетнюю, сразу же назначили заведующей начальной школой № 5...» [6. С. 28]. Начиная с 1933–1934 учебного года комплектование кадров стало строго контролироваться. Теперь при приеме на работу учитывали не только социальное происхождение, но и уровень образования и возраст.

Отношение к своим прямым обязанностям у учителей формировалось под воздействием ряда факторов. Среди них особо следует выделить уровень квалификации, возраст и, естественно, индивидуальные черты человека. В Магнитогорске неоднократно были зафиксированы случаи срыва занятий из-за неявки учителя на работу без уважительных причин. Чаще всего такие «срывы занятий» происходили в 1929–1931 гг., в период наиболее сложный с точки зрения организации процесса обучения¹¹. Для рассмотрения причин срыва учебных занятий в Магнитогорске была создана специальная комиссия, в компетенцию которой входило также вынесение мер взыскания¹².

Особое внимание президиум горсовета сосредоточил на улучшении материального и культурно-бытового положения учителей. Первоочередной задачей стало повышение заработной платы. План роста заработной платы предусматривал следующее изменения: от 75 рублей в 1931–1932 гг. до 163 рублей в 1932–1933 г. [7]. В действительности минимальная зарплата возрос-

¹ Воспоминания А.И. Чесноковой...

² Магнитогорский пионер. 1932. 30 апреля.

³ Магнитогорский пионер. 1932. 16 ноября, 20 декабря; 1933. 5 января, 15 января, 10 февраля; 1934. 12 ноября и др.

⁴ МУ МГА. Ф. 4, Оп. 1, Д. 1, Л. 21.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Магнитогорский комсомолец. 1932. 23 июля.

⁹ МУ МГА. Ф. 12, Оп. 1а, Д. 1, Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 13 об.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7952, Оп. 5, Д. 297, Л. 33.

¹² Там же.

ла с 75 рублей в 1931 г. до 260 рублей в 1934 г.¹. Кроме того, учителя наряду с кадровыми рабочими, участвующими в строительстве основных объектов комбината, начиная с 1934 г. получали внеочередное курортное лечение. По данным за 1934 г., премиальный фонд для учителей города составил 37 000 рублей, расходы на бесплатное посещение гортеатра составили 4500 рублей, на оборудование квартир учителей было затрачено 20 000 рублей². Учителей также обеспечивали бесплатными коммунальными услугами.

О трудовом подвиге первых магнитогорских учителей свидетельствует график рабочего дня учителя русского языка и литературы О. П. Эбулдиной, сохранившийся в ее воспоминаниях: «Подъем в 6 часов утра... Бежим в столовую. Что-то едим... Глотаем горячий чай... Сбор в институт. Дорога (и в грязь, и в дождь, и в снег). Пединститут. 4 дня в неделю лекции. Два дня – читальный зал. Дорога домой. Очередь в столовой. Школа. Ежедневно у меня по шесть уроков. Раньше 9 часов вечера из школы не уходили. В 9 часов школу закрывали. Ужин (готовим сами). Отдых. До 12 часов ночи, а то и позже подготовка к урокам, тетради, готовились к лекциям в институт. Работали с отдельными ребятами, консультации, совещания...» [9. С. 55].

Определяющее влияние на систему просвещения в Магнитогорске оказывали вопросы материального снабжения. Школьное строительство находилось в крайне тяжелом положении. Неоднократно на собраниях горсовета и ГорОНО поднимался вопрос об угрозе срыва всеобщего из-за состояния строительства школ³. Планирование работы школ и их строительства осуществлялось на основании численности населения города и числа детей. Однако заявкам ГорОНО о необходимости расширения сети школьных учреждений не доверяли⁴. План строительства школ не выполнялся систематически. Ни одна школа из запланированных 8 ФЗС на 1933 г. не была готова к началу учебного года, а к строительству трех из них не приступали вообще⁵.

Большое значение для магнитогорских школьников имело оборудование учебных классов пособиями и мебелью. Парты и стулья имелись во всех школах, но в недостаточном количестве⁶. Деревообрабатывающий комбинат, несмотря на неоднократные приказы со стороны ГорОНО, не

выполнял заказ на изготовление школьной мебели. В результате в 1932 г. «до 50 % школ города остались без парт и стульев»⁷. По воспоминаниям заслуженного учителя Е. А. Акулиной, «классная комната была маленькой, за партой сидели по три человека...» [1. С. 16]. Еще пленум горкома ВКП (б), проходивший с 28 февраля по 25 ноября 1931 г. принял решение о необходимости всемерной помощи организации школ в Магнитогорске, в том числе в плане строительства зданий школ, снабжения мебелью, учебными пособиями и канцелярскими принадлежностями⁸. Однако практика показывала, что директорам школ, педагогическому составу, а часто учащимся и их родителям приходилось лично выбивать, а потом и караулить мебель, краску, учебники, направленные в их школу⁹. Не хватало также учебников и тетрадей: «Одним учебником пользовались два-три ученика» [1. С. 16]. Предполагалось первоначально закупать учебники, учебные пособия через магазины ОГИЗа, однако сеть ОГИЗ не выполняла заказы ГорОНО¹⁰. По данным за 1932 г. классы первого года обучения были обеспечены учебниками на 70–75 %, второго – на 50 %, третьего и четвертого – на 25–30 %¹¹. Для 100-процентного обеспечения учащихся учебниками было решено взимать сбор с учеников на покупку учебников¹². Этот сбор вызвал недовольство у магнитогорцев, вынужденных «вычитать из бюджета семьи»¹³. Во второй половине 1930-х гг. этот сбор отменили. С одной стороны это объяснялось тем, что предыдущие годы в школьных библиотеках сформировался минимальный фонд учебников, а с другой тем, что многие горожане сами доставали книги через родственников и друзей. Так, В. Ф. Берсенева отмечала, что «относительно учебников отец (О. Краузе. – Н. М.) спрашивал неоднократно и на Магнитке, и здесь (Белорецк. – Н. М.), но пока удалось достать только один – «Органическую химию» Церховского. Для Лены достали три. Если можешь привези, что достанешь, из Москвы. У Наташи, может быть, есть какие-нибудь» [8. С. 12]. Обучение детей осложнялось множеством иных факторов. В частности, уроки часто срывались из-за отсутствия света или потому, что ученики ФЗС обедали на фабрике-кухне, которая была расположе-

⁷ МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 9, Л. 119.

⁸ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-234, Оп. 1, Д. 33, Л. 41 - 42.

⁹ МУ МГА. Ф. 12, Оп. 1а, Д. 1, Л. 90.

¹⁰ МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 9, Л. 119.

¹¹ МУ МГА. Ф. 12, Оп. 1а, Д. 1, Л. 93.

¹² МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 64, Л. 32.

¹³ МУ МГА. Ф. 12, Оп. 1, Д. 5, Л. 45.

¹ МУ МГА. Ф. 10, Оп. 1, Д. 9, Л. 22.

² Там же.

³ Там же. Л. 118.

⁴ МУ МГА. Ф. 12, Оп. 1а, Д. 1, Л. 89.

⁵ Там же.

⁶ Просвещение на Урале. 1930. № 12. С. 71.

на далеко от школы, и дети не успевали вовремя вернуться на занятия¹.

В целом в 1930-е гг. был заложен материально-организационный фундамент системы школьного образования в Магнитогорске. Материально-бытовые и кадровые проблемы, а также социальный состав магнитогорцев серьезно осложняли

реализацию плана ликвидации безграмотности и малограмотности, а также введение всеобщего обучения. Но, несмотря на трудности, происходило приобщение населения города к культурной жизни на повседневном уровне, путем получения горожанами элементарных базовых знаний и пропаганды идеи культуры.

¹ ОГАЧО. Ф. П-234, Оп. 1, Д. 216, Л. 51.

Список литературы

1. Акулина, Е. А. Мои воспоминания о Магнитке / Е. А. Акулина // Сборник воспоминаний ветеранов. – Магнитогорск, 1982. – С. 15–17.
2. Кондратковская, Н. Г. «Ах, если бы еще одну мне жизнь!»: автобиографические рассказы. Философская проза. Воспоминания / Н. Г. Кондратковская. – Белорецк, 2006. – 351 с.
3. Культфронт Урала на подъеме / под ред. И. А. Переля. – М., 1934. – 67 с.
4. Крапивнер, Г. Пионерская организация ордена трудового красного знамени города Магнитогорска (памятка пионерскому активисту) / Г. Крапивнер. – Магнитогорск, 1972. – С. 3–5.
5. Kotkin, S. Magnetic mountain: Stalinism as civilization / S. Kotkin. – Berkley, 1994. – 675 p.
6. Панова, К. А. Наш любимый человек / К. А. Панова // Добрая память об учителе Магнитогорска. – Магнитогорск, 1986. – С. 26–29.
7. Труд и социально-культурное строительство Урала в пятилетнем плане. 1928/29 – 1932/33. – Свердловск, 1929. – 212 с.
8. Пришла война в Березки. Письма матери / под ред. О. Ф. Краузе. – Череповец, 2011. – 162 с.
9. Эбулдина, О. П. Хочется оглянуться на пройденный путь / О. П. Эбулдина // Сборник воспоминаний ветеранов. – Магнитогорск, 1982. – С. 53–55.

Сведения об авторе

Макарова Надежда Николаевна – канд. ист. наук, доцент, зам. директора по научной работе Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного университета.
makarovanadia@mail.ru

Magistra Vitae.
2016. No 2. P. 57–65.

SCHOOL EDUCATION OF MAGNITOGORSK IN THE PERIOD OF ACCELERATED INDUSTRIALIZATION

N. N. Makarova

Magnitogorsk State University, Magnitogorsk, Russia. makarovanadia@mail.ru

During the period of accelerated industrialization Magnitogorsk was a mega-area to implement a socialist experiment, the main objective of which was the realization of a new way of life in the Soviet Union and the upbringing of a new man. Such ambitious ideas could have been implemented among the younger generation most effectively. The global socialist experiment ideologists considered children and young people as the object of intense influence by the system of propaganda and education system. Large-scale changes were implemented as part of the mobilization model of development. Russian historiography examines cultural development and education quite thoroughly. The culture problems of the years 1917–1940 were covered by direct participants of cultural and reform activities, and their papers were mostly of a descriptive nature. Nevertheless, there have not been works on the education system in Magnitogorsk to the present day. The purpose of this article is to review main trends in the school system in Magnitogorsk. This study is based on

sources of various kinds, namely, record keeping documentation, the sources of private origin, including the materials of oral testimony by Magnitogorsk citizens.

Keywords: *history, USSR, industrialization, education, Magnitogorsk.*

References

1. Akulina E.A. *Moi vospominanija o Magnitke* [My memories of Magnitogorsk]. *Sbornik vospominanij veteranov* [Collection of memories of veterans]. Magnitogorsk, 1982. Pp. 15–17. (In Russ.).
2. Kondratkovskaja N.G. «*Ah, esli by eshhe odnu mne zhizn'!*»: *avtobiograficheskie rasskazy. Filosofskaja proza. Vospominanija* [“Ah, if another life to me!” autobiographical stories. Philosophical prose. Memories]. Beloreck, 2006. 351 p. (In Russ.).
3. Perel' I.A. (ed.). *Kul'tfront Urala na pod#eme* [Kultfront of the Urals on the rise]. Sverdlovsk, 1934. 67 p. (In Russ.).
4. Krapivner G. *Pionerskaja organizacija ordena trudovogo krasnogo znamenija goroda Magnitogorska (pamjatka pionerskomu aktivistu)* [Pioneer organization of the order of the red banner of the city of Magnitogorsk (memo pioneer activist)]. Magnitogorsk, 1972. 61 p. (In Russ.).
5. Kotkin S. *Magnetic mountain: Stalinism as civilization*. Berkley. 675 p.
6. Panova K.A. *Nash ljubimyj chelovek* [Our favorite person]. *Dobraja pamjat' ob uchitele Magnitogorska* [Good memory about the teacher Magnitogorsk]. Magnitogorsk, 1986. Pp. 26–29. (In Russ.).
7. *Trud i social'no-kul'turnoe stroitel'stvo Urala v pjatiletnem plane. 1928/29 – 1932/33* [The labor and socio-cultural development of the Urals in the five-year plan. 1928/29 – 1932/33]. Sverdlovsk, 1929. 212 p. (In Russ.).
8. Krauze O.F. (ed.). *Prishla vojna v Berezki. Pis'ma materi* [The war came in the Birches. Letters to his mother]. Cherepovec, 2011. 162 p. (In Russ.).